

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

29

МИР И ВОЙНА: АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY
Centre for Intellectual History

ББК 63.3

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

Редактор выпуска

И. О. ЕРМАЧЕНКО

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: КРАСАНД, 2009. — 400 с.

DIALOGUE WITH TIME. 29. Peace and War: aspects of intellectual history. Moscow: KRASAND, 2009. — 400 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517

Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>

Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадиры выпуска — О. В. Воробьева, М. М. Горелов

Издательство «КРАСАНД».

121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.

Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 25. Зак. № 2799.

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISBN 978-5-396-00041-4

ISSN 2073-7564

© Общество интеллектуальной истории, 2009

© Институт всеобщей истории РАН, 2009

© Журнал «Диалог со временем», 2009

© КРАСАНД, 2009

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий в Интернете:
<http://URSS.ru>
Тел./факс: 7 (499) 135-42-16
URSS Тел./факс: 7 (499) 135-42-46

7629 ID 105517

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

И. О. Ермаченко

Мир и война, «свои» и «чужие»: аспекты интеллектуальной истории..... 5

Война и интеллектуальные практики

М. А. Морозов

Культурно-историческая модель «крестового похода» византийского императора..... 15

А. Ю. Соломеин

Аксиология войны во французском Просвещении..... 28

К. Мондэй

От военной к экономической науке: война и мир в мировоззрении Е. Ф. Канкринна..... 42

Е. Н. Проскурина

«В таком значении войны вообще лежит залог прогресса»: Франко-прусская война на страницах «Вестника Европы»..... 66

И. Н. Гребенкин

От войны к революции: политические настроения российского офицерства в 1914–1917 гг..... 77

Метафизика социального конфликта

А. Беллантоне

Апории политики: заметки о конфликте..... 91

Между войной и миром: ментальная ситуация пограничья

В. В. Посков

Когда кончаются войны?..... 104

Е. В. Калмыкова

Незаконченная война: притязания английских королей на французскую корону после 1453 года..... 132

А. И. Чепель

Диалог через границу: русско-шведская борьба за подданных после заключения Столбовского мира..... 147

Б. П. Миловидов

Русская армия и турки в 1828–1829 годах: встречи после боя..... 163

Эпоха «военной революции»: реалии и образы

<i>В. Р. Новоселов</i>	
Переосмысление военного занятия во Франции XVI века.....	186
<i>В. А. Ведюшкин</i>	
Бернардино де Мендоса и его трактат «Теория и практика войны».....	201
<i>Д. Н. Копелев</i>	
Пушки в Океане. Морская «гонка вооружений» и Испанская колониальная империя XVI-XVII столетий.....	216
<i>А. И. Филюшкин</i>	
Повседневность Ливонской войны в 1558-1561 годах: крах орденового государства.....	236
<i>М. Г. Муравьева</i>	
Сексуальные преступления в европейском военно-уголовном праве раннего Нового времени.....	248

Война и образование

<i>С. В. Андрияшнен</i>	
Проекты П. И. Шувалова относительно развития военного образования и их идейный контекст.....	271
<i>Т. Н. Жуковская</i>	
Между Марсом и Минервой: война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века.....	285
<i>Е. А. Ростовцев</i>	
Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны.....	308

Война в художественно-литературных проекциях

<i>А. Н. Маслов</i>	
“Vir studio, specie foemina, corde leo”: образ амазонки Пентесилеи в поэме Альберта Стаденского «Троил».....	325
<i>Г. В. Копелева</i>	
Первая мировая война и разлом сознания французской интеллигенции (роман Р. Мартен дю Гара «Семья Тибо»).....	342
<i>О. А. Джумайло</i>	
Де / гуманизация. Постмодернистские исторические рефлексии и образ Холокоста в «Стреле времени» М. Эмиса.....	350

Публикации

<i>М. В. Аникиев</i>	
Война и любовь в 1341 г. Жан Фруассар о походе Эдуарда III в Шотландию.....	367
<i>Жан Фруассар</i> . Хроники (фрагмент). Пер. и примеч. <i>М. В. Аникеева</i>	374
Summaries.....	391
Содержание.....	396
Contents.....	398

Е. А. РОСТОВЦЕВ

ИСПЫТАНИЕ ПАТРИОТИЗМОМ

ПРОФЕССОРСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Роль интеллектуальной элиты в кризисные эпохи часто является определяющей для судьбы общества. В этой связи поведенческая стратегия научной элиты европейских государств (в том числе России) в эпоху Первой мировой войны неслучайно составляет сегодня предмет интенсивных исследований¹. В настоящей статье речь пойдет об анализе поведения наиболее привилегированной профессорской коллегии — столичного Санкт-Петербургского (Петроградского) университета².

Особое положение в обществе и характер отношения к власти университетской профессуры во многом связан со статусом университетской «автономии» начала XX в. Общеизвестно, что проблема

¹ См., напр.: Война и общество в XX в. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007; Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006; *Иванов А. Е.* Российское «учное сословие» в годы «Второй Отечественной войны»: (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники (далее: ВИЕТ). 1999. № 2. С. 108–127; *Носков В. В.* «Война, в которую мы верим»: начало Первой Мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloquium. СПб., 1999. С. 326–339; *Morrissey Susan K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N. Y., Oxford, 1998; и др.

² О некоторых аспектах этой темы см. также в др. наших работах: *Ростовцев Е. А.* Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 191–194; *Он же.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история / Под ред. А. Н. Кашеварова, С. Б. Ульяновой: Сб. ст. СПб., 2007. С. 72–117; *Он же.* The Capital University in a Time of War: Saint Petersburg/Petrograd 1914–1917 // Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer... S. 177–188.

автономии университетов выходила за рамки образовательной системы и была органично связана с движением либеральной оппозиции³. С юридической точки зрения автономия была очерчена рамками Университетского устава 1884 г.⁴ с последующими дополнениями (включая г. н. Временные Правила 1905 г.⁵) — профессорская коллегия обладала правом свободного выбора должностных лиц (приват-доцента, профессора, декана, проректора, ректора), но Министерство народного просвещения (МНП) было вправе не утвердить эти решения, заместив вакантные должности собственными кандидатами. С точки зрения закона именно за МНП оставалось последнее слово и во всех остальных значимых вопросах университетской жизни. Надо отметить, что подобные ограничения «автономии» для профессорской элиты приемлемы не были. Университетское образование мыслилось как сфера, находящаяся вне мелочной опеки и контроля государства. В рассуждениях русских профессоров об устройстве университетов есть ссылки на западноевропейский опыт организации университетов, на модель университетского образования, сформулированную В. Ф. Гумбольдтом⁶. Популярны были также идеи о предназначении «высшей школы» как творца «единой культуры» человечества⁷. Университет с подобной точки зрения являл собой особый культурный организм, обособленный от «обычного» мира, и центром

³ См., напр.: *Марков А. Р.* Что значит быть студентом? М., 2005. С. 57–68; *Иванов А. Е.* Университетская политика самодержавия в конце XIX – нач. XX вв. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; *Воробьева Ю. С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 10–49; *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1971; *Wartenweiler D.* Civil society and academic debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 1999; и др.

⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 980–1048.

⁵ Временные правила об управлении университетами // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение I. С. 658–659.

⁶ Ср.: *Ляхович Е. С.* *Ревнушкин А. С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 43–53; *Гаульсен Ф.* Германские университеты. СПб., 1904.

⁷ См., напр.: *Вернадский В. И.* Задачи высшего образования настоящего времени // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 1–17.

сто был Университетский (профессорский) совет. Эти представления были столь сильны, что любые серьезные решения или действия власти, касавшиеся внутренней жизни университетов, воспринимались профессорской элитой как нечто экстраординарное и служили поводом для коллективных протестов. Таким образом, фактическая автономия университетов была шире *формальной*, и основную роль в жизни российских университетов на практике играло не МНП, а профессорская коллегия. Примером конфликта между профессорским Советом и властью может служить коллективная отставка профессоров московского университета в 1911 г. после отстранения (и увольнения) избранного ректора А. А. Мануйлова. После этого случая Министерство не решалось на столь радикальное вмешательство в «права» какого-либо Университетского совета. Однако даже более мелкие «нарушения» фактической автономии создавали серьезное напряжение между правительством и университетом, находившимися в положении затяжного противостояния⁸. Ситуация осложнялась тем, что после упомянутого конфликта профессорской коллегии Московского университета с властью столичный университет оказался в непривычной для себя роли центра «университетской фронды». Большинство членов Профессорского совета не скрывали своих либеральных взглядов, а многие были открытыми членами кадетской партии (профессора М. И. Ростовцев, А. Ф. Браун, А. А. Шахматов, Н. И. Карссьев, Ф. Ф. Зелинский и др.). «Консерватором» на этом фоне, например, считался историк С. Ф. Платонов, человек весьма умеренных политических взглядов. Как заметила в своем дневнике жена историка, выборы в университете «давно предопределены левыми, которых среди профессоров большинство (центр движения — Гревс и Ростовцев)»⁹. Действительно, ключевые позиции на всех должностях в университетской коллегии оставались за либералами. К университетской «левой» и к кадетам, разумеется, примыкал также избранный

⁸ Ростовцев Е. А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношения к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 139–142, 151–152.

⁹ Платонова Н. Н. Дневник // Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 117.

ректор Э. Д. Гримм, однако, по наблюдениям современников, ему «был чужд интеллигентский идеализм этой партии, ее догматический либерализм и ее доктринерство»¹⁰. Можно предположить, что Гримм выступал в качестве компромиссной фигуры в отношениях между петроградской профессорской корпорацией и правительством.

Чрезвычайные условия военного времени поставили перед профессорской коллегией новый непростой вызов, который можно охарактеризовать как «испытание патриотизмом», что позволяет задаться рядом важных вопросов. Изменилась ли поведенческая стратегия профессорской элиты? В какой степени ей пришлось отказаться от борьбы за автономию? Удалось ли наладить диалог с властями? Насколько эффективной была помощь университета фронту?

На первый взгляд профессорская коллегия изначально заняла вполне единодушную патриотическую позицию, которая нашла свое выражение в заявлении ректора Э. Д. Гримма на экстренном заседании Совета университета. Его речь была выдержана в подходящих случаю патетических тонах:

«Одна за другой две соседние державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации», «Россия приняла этот вызов, сильная величием единением Царя и народа. Нет в нашем отечестве ни одной народности, нет ни одного общественного слоя, который не был бы готов положить все свои силы и средства, все напряжение ума и воли на защиту родины», это «решительный час для русской и всей европейской жизни. Да развеется ненавистный кошмар, нависавший с каждым годом все тяжелее над всей Европой, над всем славянством, над Россией <...> Не имея в своем составе медицинского факультета и клиник, Петроградский Университет, к его глубокому прискорбию, не может сделать всего того, что сделают его более счастливые собратья. Но вот уже много дней наш Университет с радостью предоставляет свои помещения под надобности военного времени. За истекшее время через него прошли, пользуясь его гостеприимством, несколько десятков тысяч запасных, в нем нашли приют воины, отправляющиеся на поле брани. И с радостью Университет и впредь уступит им свои помещения и все, в чем могут нуждаться офицеры и солдаты, готовящиеся стать на защиту родины»¹¹.

История Санкт-Петербургского университета
в виртуальном пространстве

<http://history.museums.spbu.ru/>

Не менее патриотичен был и «единодушно» принятый адрес Совета Государю Императору, выдержанный в том же духе единения, где всячески подчеркивалось, что «все слои общества слились в одном патриотическом порыве, готовые на подвиги и жертвы для спасения нашей родины от грозящей ей опасности», что уже в настоящее время университет «служит своими помещениями русскому войску, он и впредь готов отдать все средства, находящиеся в его распоряжении, делу государственной обороны и помощи страждущим от навязанной нам войны»¹².

Профессора и преподаватели университета также активно подключились к пропагандистской кампании в печати, принимая деятельное участие в подготовке ряда патриотических сборников («Борьба народов», «Вопросы мировой войны», «Россия и ее союзники» и др.). Основными темами сборников были объяснения «варварской» природы немецкого империализма и прогрессивной сущности войны, которую вела Антанта. В 1914–1916 гг. в Совете Петроградского университета формируется целая программа сотрудничества с интеллектуальной элитой стран-союзниц, а в декабре 1916 г. почетным членом Совета избран английской посол сэр Дж. Бьюкенен¹³.

Таким образом, публичная позиция профессорской коллегии была однозначно патриотичной. Однако в какой степени профессорская элита солидаризировалась с государственно-патриотическим дискурсом в научной и образовательной практике, чем были готовы профессора поступиться ради победы и насколько далеко простиралась их лояльность власти в условиях военного времени?

Что касается многочисленных патриотических актов и заявлений профессорской коллегии, то они, несомненно, носили во многом ритуальный характер. Например, процитированный выше адрес 29 июля 1914 г. был принят явно по обязанности (по аналогии с другими государственными учреждениями) — в заседании и присутствовали в основном должностные лица и группа правых профессоров. В скором времени, принимая новое «патриотическое» заявление протеста против разрушения немецкими войсками в августе 1914 г. Лу-

¹² Там же. С. 74–75.

¹³ Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Университетская корпорация... С. 82–83, 107–109.

венского университета в Бельгии и гибели его уникальной библиотеки, Профессорский совет буквально высмеял профессора А. С. Догеля, который в связи с Лувенскими событиями предложил профессорам не печатать своих работ на немецком языке, не выписывать немецких журналов, не покупать в Германии и Австро-Венгрии приборы и препараты для лабораторий¹⁴.

Для иллюстрации действительного отношения членов коллегии к «квасному патриотизму» характерна позиция, которую они заняли в ходе т. н. «войны профессоров», о которой достаточно много сказано в литературе¹⁵. С немецкой стороны это были выпущенные в октябре 1914 г. «Воззвание к культурному миру» («Воззвание 93-х») и «Обращение преподавателей высших школ Германского рейха» («Манифест Германских Университетов»)¹⁶. В этих декларациях подчеркивалась роль Германии как носительницы культуры, а ответственность за развязывание войны и за ее последствия возлагались на оппонентов Германии в войне. В ответ последовал ряд «профессорских манифестов» стран Антанты, а также Швейцарии и нейтральных в тот момент США. Особенно многочисленными «ответы» на «Воззвание к культурному миру» были в России. По-видимому, потому, что к ней собственно не обращались, а в тексте «Возвания 93-х» содержался, в частности, обидный для российских ученых пассаж, исключаящий Россию из числа цивилизованных наций. Собственные ответы на «оскорбительное воззвание» опубликовали Военно-морская академия, Казанский университет, Университет св. Владимира в Киеве и другие

¹⁴ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // *Протоколы заседаний...* С. 76–80.

¹⁵ *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интелликта: первая мировая война и международное научное сообщество // *Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности.* М., 2001. С. 196–235; *Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев: Размышления по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // *Наука, техника и общество России и Германии...* С. 57–78; *Idem.* Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf "An die Kulturwelt" // *Jahrbuch für Wirtschafts-Geschichte.* 2004. № 1. S. 221–247.

¹⁶ Русские издания см.: К культурному миру. Пг., 1914. С. 1–2; Манифест 93 ученых, Манифест Германскому университету / *Две культуры (в филлософии нынешней войны).* Пг., 1916. С. 122–133.

высшие учебные заведения¹⁷. Приняли участие в войне манифестов и представители творческой интеллигенции¹⁸.

Показательно, что, в отличие от других профессорских коллекций, в столичном университете сформировать единоголосный «ответ» даже в самой умеренной форме оказалось попросту невозможным. Поэтому, когда стало известно о начале сбора подписей в других учебных заведениях, ректор Э. Д. Гримм оказался в щекотливом положении, выход из которого был найден в форме составления проекта всероссийского профессорского и академического манифеста от имени «группы профессоров», подписи под которым собирались в ноябре-декабре 1914 г. Ответ русских ученых состоял, главным образом, из последовательного «опровержения» пунктов немецкого «Воззвания к культурному миру» и по своей форме не выходил за рамки либерально-патриотического дискурса. Но даже в этом виде его не подписали многие видные члены Профессорского совета, в том числе такие известные ученые, как А. И. Воейков, И. М. Гревс, А. А. Жижилиско, И. И. Лашин, В. А. Стаслов, А. А. Шахматов, В. М. Шимкевич и др.¹⁹

Глубоко ошибочно утверждение и о том, что в порыве шовинистических страстей Совет университета исключил из своего состава почетных членов университета — подданных воюющих с Россией государств²⁰. В действительности университетская профессура первоначально даже отказалась обсуждать этот вопрос и лишь впоследствии под давлением властей исключила из рядов почетных членов Совета одного профессора Ф. фон Листа как подписавшего упомянутое воззвание немецких ученых²¹.

¹⁷ Ответ на воззвание к культурному миру представителей Германской науки и искусства: (От конференции Императорской Военно-морской Академии) // Речь. 29 янв. (11 февр.) 1915 г. С. 5; Ответ профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев; 1915; Ответ германским ученым // Ученые записки императорского казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2; и др.

¹⁸ Из наиболее известных прокламаций, принятых русскими деятелями культуры, отметим: От писателей, художников и артистов // Русские ведомости. 1914. № 223. 28 сентября. С. 6.

¹⁹ См.: Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 дек. С. 3.

²⁰ Иванов А. Е. Российское «ученое сословие»... С. 113.

²¹ Подр. см.: Ростовцев Е. А. Университетская корпорация... С. 103–105.

Не видно «безоглядного патриотизма» и в других публичных актах военного времени, таких как избрание в члены Совета университета главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в марте 1915 г., после взятия Перемышля русскими войсками²². Характерно, что университет продолжал посылать приветственные телеграммы Николаю Николаевичу и тогда, когда он был «сослан» командовать Кавказским фронтом и являлся одним из лидеров дворцовой оппозиции²³. Другой похожий ритуальный акт — избрание Бельгийского короля Альберта (конституционного монарха) почетным членом Совета²⁴. Разумеется, и единогласное избрание в декабре 1916 г. «по предложению Правления» почетным членом университета М. В. Родзянко, председателя крайне оппозиционной в тот момент по отношению к правительству Государственной Думы, свидетельствовало, прежде всего, о политических симпатиях университетской корпорации²⁵. Даже участие университета в учреждении института исторических съездов имени Николая II в 1915 г. было скорее средством решить корпоративные проблемы, нежели выражением верноподданнических чувств²⁶.

Можно предположить, что, как и большая часть духовной элиты России, петроградские профессора воспринимали «отечественную войну» как «войну надежды для России» — войну, которая объединит нацию и правительство и подвигнет его к реформам²⁷. О патриотической программе российских либералов (наиболее последовательно она была сформулирована представителями кадетов)

²² См.: Об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029.

²³ Дело Совета Императорского Петроградского университета о заседаниях Совета 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11137. Л. 70, 71.

²⁴ См.: Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028.

²⁵ См.: Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.

²⁶ Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Император Николай II — несостоявшийся доктор русской истории // Мавродинские чтения — 2008: Дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: сб. ст. (в печати).

²⁷ См.: *Носков В. В.* Указ. соч. С. 326–339.

написано довольно много. На первом этапе (до лета 1915 г.) она включала в себя идею т. н. «внутреннего мира», то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями²⁸. Как известно, русская либеральная общественность выступала в качестве одного из самых верных союзников Антанты²⁹. В этом смысле ее органической частью выглядели и петроградские профессора. Будучи в большом количестве членами кадетской партии, они поддерживали политику, направленную на преодоление англофобской кампании в печати и критику позиции Англии со стороны правой части Государственной Думы³⁰.

В отчетах университета подчеркивалась его деятельность, направленная на помощь фронту: открытие госпиталей в его стенах, отчисление профессорской коллегией 3 % жалования в пользу лазарета высших учебных заведений³¹. В стенах университета проводились многочисленные «кружковые сборы» в пользу солдат и беженцев³². Кроме участия университета в различных общественных структурах, созданных для организации помощи фронту (прежде всего в Комитете и Исполнительной комиссии петроградских высших учебных заведений), отдельные члены университетской корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в

²⁸ См. об этом, напр.: *Шелохаев В. В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции // *Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории.* М., 1994. С. 127–140; *Он же.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX века.* М., 1998. С. 355–366.

²⁹ См., напр.: *Ковалева А. С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // *Первая мировая война: История и психология.* СПб., 1999. С. 106.

³⁰ См.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 42–52.

³¹ Отношение к настоящей войне // *Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г.* Пг., 1915. С. 91–93; *Новое Время.* 6 (19) авг. 1914 г. С. 5.

³² *Ростовцев Е. А.* Мобилизация интеллекта... С. 191–194.

условиях военного времени. Например, профессор М. И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовавший сборы в их пользу, в том числе и на территории университета³³. Ряд преподавателей Петроградского университета активно участвовали в деятельности Особого совещания по обороне, Военно-промышленного комитета, в частности, можно указать на приват-доцента М. А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой Комитета, будучи редактором его «Известий»³⁴. Сразу две организации возглавлял приват-доцент юридического факультета В. В. Степанов: Особый отдел Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев и XII отдел Петроградского комитета Союза городов по оказанию помощи беженцам³⁵. Ряд профессоров (например, Н. Я. Марр) принимал участие в деятельности известной Комиссии по изучению естественных и производительных сил России (КЕПС)³⁶.

Однако более важным, чем участие в различных благотворительных мероприятиях и общественная работа отдельных деятелей университетского сообщества, представляется вопрос о степени участия университета как институции в решении задач национальной обороны. Так, власти обратились к университету (как и другим высшим учебным заведениям Империи) с призывом помочь в деле производства медикаментов. Впрочем, в отсутствие медицинского факультета возможности университета, по признанию ректора, были в этом отношении слишком малы, хотя физико-математический факультет и принял ограниченное участие в этой работе (в соответствии с министерским циркуляром в 1915 г. при факультете была создана химико-фармацевтическая группа)³⁷. Еще в сентябре 1914 г. один из

³³ Комитет «Петроград — беженцам» — ректору университета, 10 сент. 1915 г., № 57 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 78.

³⁴ Ср.: Иванов А. Е. Российское «учное сословие»... С. 121.

³⁵ Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в г. Петроград: Справочная книжка. СПб., 1915. С. 13–14, 19.

³⁶ Кольцов А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил в России: 1914–1918 гг. // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 128–139.

³⁷ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // Протоколы заседаний... С. 82; Представление декана факультета В. М. Шимкевича и переписка об учреждении химического отделения // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11056; Циркуляр министра народного

профессоров факультета (Х. Я. Гоби) возбудил вопрос об организации при факультете санитарно-бактериологических курсов³⁸, однако реальная возможность их открытия появилась только в 1917 г.³⁹

Из институциональных преобразований университета можно отметить проект создания новой кафедры по истории славян, возникший в ноябре 1914 г. на историко-филологическом факультете⁴⁰. Однако серьезного воздействия на практику преподавания и научной деятельности абсолютного большинства кафедр университета война не оказала. Изучение отчетов университета и факультетских «обзоров» преподавания показывают почти полное отсутствие каких-либо корректив в университетской программе, которые можно связать с войной. Исключением является эпизод, связанный с созданием «медицинской группы» физико-математического факультета, который тесно связан с проектом организации медицинского факультета. Изначально инициатором его создания еще в довоенное время выступали городские власти, стремившиеся решить проблему острой нехватки медицинских кадров в столицах. Однако в течение нескольких лет университет, по существу, игнорировал предложения городского общественного управления, и, по-видимому, дело об образовании медицинского факультета при университете так бы и «заглохло», если бы не начало войны, которая снова со всей остротой поставила вопрос о подготовке врачей. В начале 1916 г. министр народного просвещения констатировал — необходимо срочно разворачивать новые высшие медицинские учебные заведения⁴¹. В этой ситуации МНП предпринимает попытку повлиять на Петроградский университет и побудить его создать новый факультет. Поскольку

просвещения попечителям учебных округов. 25 августа 1915 г. № 38671 // Правительственный Вестник. 29 авг. (11 сент.) 1915 г. № 191. С. 2; Заключение физико-математического факультета по вопросу организации химико-фармацевтической группы // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11058. Л. 10–11 об.

³⁸ Школа и война: В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. № 38. 22 сент. С. 7. (Стб. 998).

³⁹ Переписка об организации врачебно-санитарных курсов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 76.

⁴⁰ Новая кафедра // День. 1914. № 303 (745). 7 нояб. С. 4.

⁴¹ См.: Зимин И. В. Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... д. и. н. СПб., 2004. С. 35.

дух проектируемого П. Н. Игнатьевым университетского устава⁴² не позволял прямо «навязать» университету новый факультет «сверху», министр выбирает иной путь, связанный с организацией в июне 1916 г. Пермского отделения Петроградского университета, который планируется впоследствии преобразовать в самостоятельный университет. При этом как в Перми, так и в Петрограде открывается сначала сроком на четыре семестра т. н. «медицинская группа» физико-математического факультета. Официально предполагалось, что ее выпускники по окончании курса должны быть переведены на медицинские факультеты в другие университеты. Однако, по-видимому, министерство подводило университет к необходимости организации полноценного факультета. В этом смысле в мае 1917 г. высказалась и Комиссия Временного правительства по реформе Высшей школы⁴³. После этого Совет университета согласился, наконец, на организацию факультета, но при условии его разделения на терапевтическую часть (в университете) и клиническую, организованную отдельно от университета, по-видимому, прекрасно отдавая себе отчет в том, что такая постанова вопроса лишит смысла весь проект. Причиной такой позиции было нежелание профессуры включать в свой состав представителей «чисто-практических, профессиональных знаний», что якобы может повредить «духу университета»⁴⁴. С особенной резкостью против создания медицинского факультета выступил академик В. А. Стеклов. Особенно интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к этой идее) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета уста-

⁴² См.: Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов. Пг., 1916.

⁴³ См.: Дело совета Императорского университета об организации медицинской и основной группы при Петроградском университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11220. Л. 1–64. Ср.: Журнал 28 заседания Комиссии по реформе высшей школы. 23 августа 1917 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 226. Д. 277. Л. 52–58 об.

⁴⁴ См.: Представление физико-математического факультета об организации медицинского отделения на факультете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 2–2об., 5–6; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–14 об.

новить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций»⁴⁵. Вся эта история вполне отражает понимание профессорской коллегией «автономии» университета как дающей ему моральное право не реагировать на «социальный заказ» ради служения высшим ценностям науки и культуры (то есть ценностям и интересам самой корпорации).

С самого начала войны представители столичной профессуры выступили с призывом к преодолению зависимости от Германии в ряде научных и технологических сфер (особенно велика была зависимость России от Германии в естественных дисциплинах, химии и медицине)⁴⁶. В апреле 1915 г. группа петроградских профессоров (в том числе университетских) обратилась в министерство с запиской, в которой указывалось, что теперь наступило время «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». С этой целью авторы записки желали основать в Петрограде четыре научных журнала: по зоологии, ботанике, гистологии и бактериологии; в апреле 1916 г. к ним прибавился и план организации журнала по физиологии⁴⁷. В министерстве к этим проектам отнеслись сочувственно, однако в большинстве своем они так и остались проектами. Впрочем, поскольку по ним запрашивалось государственное финансирование, они явно отражали не только «патриотические чувства» профессоров, но и желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию. Так, например, министерство согласилось по ходатайству профессоров финансировать журнал «Зоологический вестник», «но с тем, чтобы и университет пошел навстречу данному начинанию назначением соответствующего пособия из своих специальных средств». После того, как в Министерство была представлена смета, оно вновь подняло во-

⁴⁵ Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском Университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7–8 об.

⁴⁶ См., напр.: *Novgorotsev P. J. Universities and Higher Technical Schools // Russian Schools and Universities in the World War*. New Haven, 1929. P. 174–175.

⁴⁷ См.: *Высшая школа // Школа и жизнь*. 1915. № 17. 27 апр. С. 6 (Слб. 424); № 15. 13 апр. С. 8 (Слб. 375).

прос о софинансировании журнала⁴⁸ и получило ответ, что об этом не может быть и речи «в виду чрезвычайного увеличения цен на ремонтные работы, топливо и проч. — смета специальных средств в текущем году и возможно — в будущем по своему вероятно будет заключена с дефицитом»⁴⁹. В результате журнал издавался только на министерские деньги, но в ограниченном объеме⁵⁰.

Таким образом, говорить о том, что университетская наука в сколько-нибудь значительной степени была поставлена на службу фронту, представляется затруднительным; анализируя подход университетской корпорации к событиям военного времени, можно констатировать, что при всем «патриотизме» профессоров «война» воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для профессуры. Следует учитывать, что претензии на патриотизм у петербургской профессуры сочетались с ярко выраженной оппозиционностью. Ее близость к кадетской партии обусловило и то, что большинство петербургских профессоров поддержали требования т. н. «прогрессивного блока» в Государственной Думе, то есть стояли за введение т. н. «министерства народного доверия» — правительства, формируемого Думой, полагая, что власть неспособна эффективно вести войну и управлять страной⁵¹. В этом смысле петербургские профессора являлись органичной частью оппозиционного общества в 1915–1917 гг. Характерно, что присутствие полиции

⁴⁸ Департамент Народного Просвещения, Разряд учен. учреждений и высших учебных заведений — Попечителю Петроградского учебного округа, 7 июля 1915 г., № 30230 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 3.

⁴⁹ Ректор — Попечителю Петроградского учебного округа, 21 июля 1915 г., № 2538 // Там же. Л. 7–7 об.

⁵⁰ Зоологический Вестник. Пг., 1916–1918. Т. I–III.

⁵¹ Обширная литература последних лет, посвященная взаимоотношениям власти и общества в годы мировой войны, нашла отражение в чрезвычайно ценном аналитическом обзоре В. М. Шевырина «Власть и общественные организации в России (1914–1917)» (М., 2003): о теме конфликта между обществом и властью см. раздел «Самоубийственная конфронтация» (С. 93–129). Важно подчеркнуть, что сам лозунг «ответственного министерства» генетически и дискурсивно связан с патриотической программой русских либералов (см., напр.: Гайда Ф. А. Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003. С. 75–101).

в стенах университета во время студенческих волнений вызывало открытое раздражение профессоров. По воспоминаниям современников, неприязнь эта открыто выливалась наружу, и профессора прямо на кафедре высмеивали полицейских, присутствующих в аудитории⁵². Профессора, отказавшиеся от идеи «внутреннего мира», не могли и не хотели «останавливать» студенческие возмущения. Впрочем, имея в виду участие университетской корпорации в оппозиционном движении, развернувшимся с лета 1915 г. следует учитывать, что как раз в этом году в положительном смысле меняются отношения между МНП и российским профессорским сообществом: министром народного просвещения вместо умершего Л. А. Кассо назначается граф П. Н. Игнатъев, который позиционировал себя как сторонник университетской автономии. Профессура столичного университета во главе с ректором Э. Д. Гриммом принимает активное участие в выработке проекта нового устава⁵³. Деятельное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации.

После Февральской революции либеральной профессуре казалось, что ее цели достигнуты не только в политическом, но и в корпоративном смысле. Хотя общий устав университетов и не был принят, отдельные акты, изданные Временным Правительством, устанавливали ту систему искомым почти полной университетской автономии, за которую боролось ни одно поколение профессоров⁵⁴.

Однако после Октябрьской революции ситуация радикально меняется. В конце октября – начале ноября 1917 г. заседание директоров высших учебных заведений Петрограда приняло решение не вступать ни в какие контакты с советскими комиссарами и СНК не

⁵² *Рождественский В. А.* Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1982. Т. II: Петербургский — Петроградский университет. 1895–1917. С. 158–159.

⁵³ См.: *Дмитриев А. Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии ... С.236–255; *Idem.* State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War // *Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer...* S. 149–152.

⁵⁴ См. раздел «Распоряжения Временного правительства» в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1917 г. (№. 6 . С. 49–50; №. 7–8. С. 69–75; №. 9. С. 23–27; №. 10. С. 70–76).

признавать, что, однако, не помешало новой власти начать устанавливать контроль над высшей школой. Декретом ЦИК 9 ноября 1917 г. было принято решение «об учреждении Государственной комиссии по просвещению», поставившей целью перестройку всей системы образования в России. Уже в феврале 1918 г. Государственная комиссия заявила о праве отослать высших учебных заведений Наркомпроса вмешиваться в дела высшей школы⁵⁵. 2 августа 1918 г. СНК без какого-либо согласования с университетами издает декрет «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР»⁵⁶, а оснью Наркомпрос переходит в решительное наступление на «автономию университетов» — один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающие прежние «права университетов» — декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней (1 октября 1918 г.), принятое в ноябре того же года ВЦИК «Положение о единой трудовой школе», ряд других⁵⁷. В 1918–1922 гг. происходит коренная перестройка высшей школы, связанная с наплывом в студенческую среду люмпенизированной массы, отъездом, арестами и высылкой ряда профессоров, перестроением программ и структуры системы высших учебных заведений⁵⁸. В июле 1922 г. Совнарком принял новое «Положение о Высших учебных заведениях», лишая их даже призрака автономии. Таким образом, когда «николаевский режим», свержение которого так долго интеллектуально подготавливалось в университете, рухнул, начала рушиться и та «башня из слоновой кости», кото-

⁵⁵ Лебедева М. В. Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917 – феврале 1921 гг. (опыт управления): Автореф. дисс... к. и. н. М., 2004. С. 26.

⁵⁶ См.: Смирнова Т. М. История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 6–38.

⁵⁷ Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and Arts under Lunocharsky, 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 68–88.

⁵⁸ См.: Финкель С. Организованная профессура: университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 173–184; Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 67–136. Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой: Строительство Наркомпроса: (Ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М., 1980. С. 38–78; McClland J. C. Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia: 1917–1921. New Jersey, 1970; и др.

рую представлял собой столичный университет — в жизнь университетской элиты решительно вторгся «город», которого прежде она не замечала. В профессорских дневниковых записях 1917–1918 гг. нашёл отражение мучительный процесс социальной и политической трансформации университетской жизни. Беспощадная и последовательная политика позволила новой власти совершить то, чего не могла, а в некотором смысле и не хотела делать прежняя власть — *сломасть* университетскую корпорацию, совестилизировать её, сделать составной частью государственной машины.

Итак, профессура столичного университета в полной мере прошла «испытание патриотизмом», оставаясь верна высшим ценностям «науки и культуры» и связанной с ними идеи «автономии» университетов («храмов науки»). В то же время последовательное отстаивание корпоративных ценностей в сочтании с проведением доктрины «либерального патриотизма» отнюдь не создавало условий для совместной работы с властями и обществом, «мобилизации интеллекта» и сил университетской корпорации на благо фронта, в борьбе за победу. В этих условиях патриотические акции профессорской коллегии зачастую носили ритуальный характер или служили средством борьбы за корпоративные и политические интересы. Таким образом, ситуация Первой Мировой войны показала фактическую неспособность и нежелание университета отвечать на социальный заказ даже в условиях жесточайшего государственного и общественного кризиса. Торжество идеи «автономии», наступившее после краха «старого порядка» было недолгим. Советская власть вполне учла опыт предшественников и, поставив цель превращения высших учебных заведений в инструмент своей политики, установила полный контроль над профессорскими коллегиями и университетской жизнью в целом.